

ВИТАЛИЙ БЕГЕЗА

МУР

МАШИНА- ПРИЗРАК

Виталий Бегеза

МУР. Машина-призрак

«Автор»

2026

Бегеза В. В.

МУР. Машина-призрак / В. В. Бегеза — «Автор», 2026

Москва, 2016 год. С подземной парковки исчезает дорогой «Мерседес». На месте остаются осколки стекла, свидетель и безупречно оформленные документы. Но старший оперуполномоченный по особо важным делам МУРа Виталий Васильевич Глебов замечает несоответствие: все доказательства существуют, однако относятся к разным автомобилям. Расследование выводит Глебова и его ближайшего коллегу Кувшинова на изощрённую схему страхового мошенничества. Одни и те же машины получают новые документы, VIN-номера и владельцев, а затем снова исчезают ради очередной выплаты. За бумажными двойниками стоят люди, умеющие подменять не только автомобили, но и факты, улики и чужую виновность. Чтобы остановить преступный круг, оперативникам предстоит вступить в противоборство с расчётливыми мошенниками, коррупционными связями и предательством внутри системы. Но для Глебова важно не просто раскрыть дело: необходимо доказать правду, не переступив закон и собственную совесть.

© Бегеза В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пустое место	5
Часть первая. Машина, которой нет	10
Глава 1. Дождь на Петровке	10
Глава 2. Неправильное стекло	17
Глава 3. Одиннадцатый «Мерседес»	24
Глава 4. Седой	31
Глава 5. Ночной опрос	36
Глава 6. Свидетель наоборот	42
Глава 7. Папка «Двойник»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виталий Бегеза

МУР. Машина-призрак

Пролог. Пустое место

Москва, октябрь 2016 года

Вадим Чернов увидел пустое парковочное место ещё из лифта.

Створки разошлись беззвучно. За ними открылся нижний уровень подземного паркинга: белые стены, серый бетон, ровные ряды машин под холодным светом ламп. На колонне напротив крупно чернело: «-2». Чуть ниже была нарисована стрелка к выезду.

Чернов не вышел сразу.

Он стоял в лифте и смотрел между двумя колоннами, где должна была находиться его машина. Слева был припаркован белый внедорожник. Справа стояла тёмная «Ауди». Между ними оставалось свободное место.

Ровно такое, какое ему было нужно.

Лифт предупредительно пискнул. Двери начали закрываться. Чернов выставил ладонь, шагнул на парковку и только тогда позволил себе оглянуться.

В руке у него были ключи от «Мерседеса».

Он нажал кнопку на брелоке.

Где-то в соседнем ряду отозвалась чужая сигнализация. Коротко пискнула и замолчала.

Чернов нажал ещё раз. Потом ещё.

Никакого ответа.

Он медленно подошёл к пустому месту. На стене был закреплён номер 217. Чернов посмотрел сначала на него, потом на белый внедорожник, затем на «Ауди». Нахмурился, будто пытался понять, не перепутал ли ряд.

Под потолком висела камера. Её чёрное стекло было направлено в сторону въезда, не захватывая место целиком.

Чернов знал это заранее.

Он прошёл к соседнему ряду, снова нажал кнопку и позвал:

— Есть кто-нибудь?

Парковка вернула ему голос глухим эхом.

Чернов достал телефон, но звонить не стал. Сначала обошёл две колонны, заглянул за припаркованный микроавтобус и только после этого направился к будке охраны.

Теперь он шёл быстрее.

За стеклом сидел мужчина лет пятидесяти в синей форменной рубашке. Перед ним стояли три монитора. На одном был въезд, на другом лифтовой холл, на третьем менялись изображения с разных уровней.

Охранник смотрел футбол на маленьком планшете. Заметив Чернова, он убрал звук.

— Добрый вечер.

— Где машина?

Охранник не понял.

— Какая машина?

— Моя. Двести семнадцатое место. Чёрный «Мерседес».

— А я откуда знаю?

Чернов положил ладонь на стойку. Не ударил, не повысил голос. Просто подался вперёд.

— Она здесь стояла.

— Когда?

— Со вчерашнего вечера.

Охранник посмотрел мимо него, на ряд машин, потом перевёл взгляд на мониторы.

— Может, жена взяла?

— Жена в Лондоне.

— Сын?

— У меня нет сына.

Чернов ответил слишком быстро и понял это. На секунду прикрыл глаза, будто пытался успокоиться.

— Посмотрите камеры.

— Архив у управляющего.

— Тогда звоните управляющему.

— Сейчас поздно уже.

— У меня только что пропала машина за семь миллионов.

Сумма действовала лучше крика.

Охранник выпрямился, убрал планшет в ящик и взял служебный телефон. Пока он искал номер, Чернов отвернулся к парковке.

На стене напротив висело большое зеркало безопасности. В нём отражались будка, лифты и часть второго ряда. Чернов видел себя со стороны: тёмное пальто, расстёгнутый ворот, ключи в руке. Лицо пока оставалось слишком спокойным.

Он провёл ладонью по волосам и ещё раз посмотрел на пустое место.

Охранник дозвонился не сразу.

— Игорь Павлович? Это с нижней парковки. Тут жилец говорит, машина пропала... Да... Двести семнадцатое... Чёрный «Мерседес».

Он выслушал ответ и протянул трубку Чернову.

— Управляющий.

— Чернов, — представился Вадим. — Корпус второй, квартира сто сорок восемь. Я вчера оставил автомобиль на своём месте. Сейчас его нет.

В трубке заговорили долго и раздражённо. Управляющий объяснял, что охрана отвечает за порядок, но не за сохранность имущества. Предлагал проверить, не переставил ли автомобиль кто-то из членов семьи. Советовал сначала убедиться, что место действительно двести семнадцатое.

Чернов дал ему выговориться.

— Мне не нужно, чтобы вы сейчас снимали с себя ответственность, — сказал он. — Мне нужно посмотреть запись.

Управляющий замолчал.

— Архив можно открыть удалённо, — неуверенно сообщил охранник.

— Открывайте.

— Только за последние сутки, — сказал управляющий в трубке. — И там на втором уровне ночью был сбой контроллера. Нас обслуживающая организация предупреждала.

Чернов посмотрел на охранника.

— Какой ещё сбой?

Тот пожал плечами.

— Я смену принял в восемь. Мне ничего не говорили.

— Открывайте архив.

Охранник сел за центральный монитор. Ввёл пароль с бумажки, приклеенной под столешницей, затем продиктованный управляющим код. На экране появилась сетка из шестнадцати окон.

Чернов встал у него за спиной.

— Вчера. После девяти вечера.

Охранник передвинул временную шкалу. Машины на экране задвигались рывками. Въездной шлагбаум открывался и закрывался. Люди выходили из лифтов, несли пакеты, ставили автомобили. Чёрного «Мерседеса» не было.

— Раньше, — сказал Чернов.

Охранник отмотал ещё час.

— Вот ваша камера, — он ткнул пальцем в правый нижний угол. — Второй уровень, сектор «Б».

Запись шла до двадцати одного часа сорока семи минут. Затем изображение застыло. Через несколько секунд на экране появилась надпись: «Нет сигнала».

В двадцать два часа двадцать девять минут картинка вернулась.

Место 217 оставалось пустым.

Чернов придвинулся к монитору.

— А до отключения?

— Тут угол не берёт. Только проезд.

— На въезде машина должна быть.

Они открыли другую камеру. Изображение было чётким. Шлагбаум, номерной знак на стене, передние части въезжающих машин.

Охранник ускорил запись.

В двадцать один час двенадцать минут на парковку въехал тёмный седан. Марку из-за блика определить было трудно. Камера поймала только левую фару, часть капота и номер, засвеченный отражением.

Чернов наклонился ближе.

— Это он.

— Может быть, — осторожно сказал охранник.

— Что значит «может быть»? Я свою машину знаю.

На самом деле это был старый «Фольксваген» знакомого Чернова. Похожий цвет, похожий силуэт, правильно выбранная скорость. Через семь минут автомобиль выехал через гостевой уровень. В архиве этого не было: камера над вторым шлагбаумом уже третий месяц показывала стену после неудачного ремонта крепления.

Чернов знал и это.

Знал он и то, что охранник не станет спорить с владельцем дорогого автомобиля. Особенно после того, как на записи действительно появился тёмный седан.

— Надо полицию вызывать, — сказал охранник.

Чернов медленно выпрямился.

Он ждал именно этих слов.

— Сначала сохраните запись.

— Я не умею.

— Звоните управляющему.

— Он уже отключился.

— Тогда звоните ещё раз.

Охранник набрал номер. На этот раз управляющий ответил почти сразу. Разговор быстро превратился в спор: кто должен сохранять архив, кто отвечает за сбой и почему неисправность не записана в журнале.

Чернов слушал молча.

Двое взрослых мужчин уже искали виноватого, хотя ещё никто не установил, было ли преступление. Каждый следующий их звонок делал придуманную историю реальнее.

Охранник прикрыл трубку ладонью.

— Вы сами в полицию позвоните?

— Позвоню.

— И страховую надо.

Чернов резко повернулся к нему.

— При чём здесь страховая? Мне машина нужна.

Он произнёс это громче, чем всё остальное.

Охранник поднял обе руки.

— Да я просто сказал.

Чернов отвернулся. Спектакль шёл правильно. Самое опасное было не ошибиться в фактах. Самое опасное было слишком хорошо сыграть человека, который заранее знает, что произошло.

Настоящий владелец до последнего надеется, что машину переставили. Звонит жене, водителю, приятелю. Ругается с охраной. Требуется открыть ворота. И только потом соглашается произнести слово «угон».

Чернов снова достал телефон.

— Я поднимусь наверх. Здесь связь плохо ловит.

— Далеко не уходите, — попросил охранник. — Полиция приедет, вопросы будут.

— Я никуда не уйду.

Он направился к лифтам, но прошёл мимо. За колонной находилась дверь на техническую лестницу. Чернов открыл её, поднялся на один пролёт и остановился между этажами.

Здесь не было камер.

Он набрал номер, сохранённый без имени.

Отвечили после первого гудка.

— Да.

— Машины нет. Теперь можно заявлять.

— Охрану поднял?

— Да. Архив смотрят.

— Кто первым сказал про полицию?

— Охранник.

— Хорошо. Про выплату говорил?

— Он заговорил про страховую. Я его оборвал.

Собеседник помолчал.

— Не спеши радоваться. Сейчас приедет полиция. Потом заявление. Потом осмотр. Отвечай только на то, что спрашивают. Время не уточняй, если сам не уверен.

— Я всё помню.

— Если бы всё помнил, не звонил бы мне из здания.

Чернов сжал телефон.

— Ты сам сказал сообщить.

— Сообщил. Теперь удали вызов и больше не набирай.

Связь оборвалась.

Чернов постоял на лестнице ещё несколько секунд. Голос Кирилла Ремезова действовал на него неприятно. Ни поздравления, ни уверенности, что дело сделано. Для Ремезова это был не удачный угон, а только первый документ в длинной папке.

Внизу хлопнула дверь.

— Вадим Сергеевич! — позвал охранник. — Полиция едет!

— Сейчас!

Чернов удалил запись о звонке, убрал телефон и вернулся на парковку.

Охранник стоял у будки. Он заметно нервничал.

— Управляющий говорит, этот сбой в заявке есть. Значит, мы сообщали.

— Кому сообщали?

— В обслуживающую организацию.

— И что мне теперь с вашей заявкой делать?

— Я просто объясняю.

Чернов прошёл к месту 217. Остановился между белым внедорожником и «Ауди», осмотрел бетон, стену, соседние машины.

— Ничего не трогайте, — сказал охранник. — Они просили сохранить как есть.

— Я и не трогаю.

На дальнем повороте показались фары. По наклонному въезду медленно спускался автомобиль с синей полосой на борту.

Охранник шагнул ему навстречу.

Чернов остался один.

Он опустил руку в правый карман пальто. Нашупал плотный пакет и осторожно разорвал край. Внутри лежали осколки бокового стекла от другой машины. Их приготовили заранее, выбрав стекло подходящего оттенка.

Чернов вынул несколько кусочков и сжал в ладони.

Полицейская машина повернула за колонну. До места оставалось секунд десять.

Чернов присел, будто заметил что-то на полу, и разжал пальцы.

Осколки тихо рассыпались по бетону.

Теперь на пустом месте было что осматривать.

Часть первая. Машина, которой нет

Глава 1. Дождь на Петровке

На следующее утро Москва проснулась под дождём.

Он начался ещё ночью и к девяти часам не усилился и не ослаб. Вода стекала по окнам Петровки, собиралась в тёмных лужах у бордюров и превращала двор в сплошное серое зеркало.

За высокой чугунной оградой главный корпус с колоннами и арками в дождливом свете казался строже обычного. У контрольно-пропускного пункта уже стояла небольшая очередь: сотрудники показывали удостоверения, посетители прижимали к груди паспорта и мятые листки с номерами кабинетов. За тяжёлой деревянной дверью начиналась не просто служба, а целый квартал переходов, лестниц и корпусов, который все называли одним коротким словом — Петровка.

Глебов прошёл по старой лестнице, где каменные ступени были стёрты не хуже архивных папок. Дальше начинался длинный коридор. По обеим сторонам тянулись двери с табличками и номерами; одни были распахнуты, другие закрыты, из-за третьих доносились телефонные разговоры, стук клавиатуры или короткое раздражённое: «Зайди позже». После ремонта здесь появились светлые участки, стеклянные двери и новые жалюзи, но стоило свернуть в боковой переход, и здание снова становилось прежним — тесным, казённым и бесконечным.

В коридоре пахло мокрой одеждой, крепким кофе и старым табаком, который въелся в стены ещё в те времена, когда курили у открытых окон. Над всем этим держался особый запах дел: картонных обложек, пыли, типографской краски и бумаги, годами лежавшей в шкафах. На Петровке этот запах не исчезал даже после ремонта.

Виталий Васильевич Глебов пришёл в кабинет раньше обычного. Снял мокрую куртку, повесил её на дверцу служебного шкафа и переложил со стула на подоконник две папки. В одной лежали материалы по Кузнецову, во второй накапливались сведения о прокатных автомобилях, уехавших на юг.

Третьей папки на столе ещё не было.

Она появилась через десять минут.

Сергей Зимин вошёл без стука, положил перед Глебовым тонкий скоросшиватель и остался стоять.

— Срочное.

Глебов придвинул скоросшиватель. На обложке от руки были написаны марка автомобиля, фамилия владельца и номер отдела полиции, принявшего заявление.

— Ночной угон?

— Подземная парковка. Новый жилой комплекс. «Мерседес» S-класса, практически новый. Стоимость около семи миллионов.

— Почему к нам так быстро?

Зимин усмехнулся.

— Потому что владелец умеет пользоваться телефоном. Сначала позвонил в полицию, потом в страховую, потом человеку, который позвонил ещё трём людям. Один из них уже интересовался, кто занимается машиной.

Глебов открыл папку.

На первой странице лежала копия заявления Вадима Сергеевича Чернова. Ниже были приложены регистрационные документы, страховой полис и несколько фотографий пустого парковочного места.

— Что от нас хотят?

— Как обычно. Найти машину, задержать угонщиков и желательно сделать это до того, как её разберут или увезут в другой регион.

— А необычного что?

— Не начинай, Виталий.

Зимин подвинул к нему папку.

— Камеры в нужный момент отключились. На месте стекло. Охранник слышал удар. Обычная профессиональная работа. Возьми людей, отработай гаражи, разборки, выезды из Москвы. Дай ориентировку по соседним областям.

— Ориентировка уже есть.

— Значит, проверь, как работает.

Глебов поднял глаза.

Зимин был одет безупречно, хотя на улице лило с ночи. На плечах пальто не осталось ни одной капли. Он выглядел человеком, который успел начать рабочий день раньше остальных и теперь вынужден объяснять им очевидное.

— Материал кому расписан?

— Тебе. Старшему оперуполномоченному по особо важным делам. Или должность уже мешает заниматься угонами?

— Не мешает.

— Тогда к вечеру доложишь первые результаты. И держи меня в курсе. По каждому шагу.

Зимин вышел так же быстро, как вошёл.

Глебов проводил его взглядом, затем вернулся к заявлению.

Вадим Чернов сообщал, что оставил автомобиль на парковке около девяти часов вечера. На следующий день спустился вниз, машины не обнаружил, обратился к охране и потребовал показать записи. Камера на втором уровне не работала сорок две минуты. В этот промежуток, по мнению заявителя, автомобиль и был похищен.

Рассказ выглядел стройно.

Слишком стройно для первых часов после преступления.

В соседнем кабинете зазвонил телефон. Кто-то громко спросил номер гаражного кооператива. По коридору прошли двое сотрудников, споря, кому ехать в Химки. Обычный рабочий шум постепенно заполнял отдел.

Глебов дочитал заявление и позвонил Кувшинову.

— Санёк, зайди.

Александр Кувшинов появился с кружкой чая и незастёгнутой папкой под мышкой.

— Если опять южное направление, я сначала допью.

— Новое.

— Тогда тем более.

Он поставил кружку на край стола и взял страховой полис.

— Хорошая машина.

— Ты её видел?

Кувшинов посмотрел на Глебова, потом снова на полис.

— Пока только цену.

— Вот и я.

Глебов передал ему копии страховых документов.

— Подними договор, осмотр, заявление, порядок загрузки фотографий. Кто страховал, кто принимал документы, кто подтверждал стоимость. Отдельно посмотри, не было ли дополнительных соглашений.

Кувшинов пролистал страницы.

— Полное каско. Без франшизы. Риск угона закрыт полностью. Выгодоприобретатель сначала банк, но кредит, судя по отметке, погасили досрочно.

— Когда?

— За месяц до угона.

— Это что-нибудь значит?

— Само по себе ничего. Но проверю, кто принёс справку о погашении и когда страховая сменила выгодоприобретателя.

Глебов кивнул.

Кувшинов не любил быстрых выводов не меньше него. Разница была в том, что Глебов сначала видел человека и его поведение, а Санёк — порядок действий, который должен был оставить след в документах. В страховом деле он мог заметить то, что для другого оперативника выглядело обычной канцелярией.

— Ищи не повод отказать в выплате, — сказал Глебов. — Ищи, кто видел машину.

— Независимо от владельца?

— Именно.

Кувшинов забрал копии и вышел.

Через минуту Глебов позвал Краснова.

Женя вошёл на ходу застёгивая рубашку под свитером.

— Ночь была длинная?

— Камеру в Бирюлёве ждали. Она решила заработать в половине четвёртого.

— Тогда продолжим знакомство с техникой. Здесь парковка, въезд, выезд и сорок две минуты без записи. Подними всё вокруг: дворные камеры, магазины, выезды на улицу, ближайшие перекрёстки. Не ищи пока только «Мерседес». Посмотри весь транспорт за два часа до отключения и два после.

Краснов взял схему парковки.

— Номер известен?

— Известен. Поэтому сначала проверь, кто и где его видел, а потом уже ищи сам номер.

— Думаешь, перебили сразу?

— Пока ничего не думаю.

— Это у тебя самое опасное состояние.

Краснов улыбнулся и ушёл.

К одиннадцати утра на столе Глебова лежали фотографии автомобиля. Их прислал специалист страховой компании в ответ на официальный запрос. Чёрный «Мерседес» был снят с четырёх сторон, отдельно — салон, приборная панель, номер кузова под стеклом и два комплекта ключей.

Сергей Волков стоял рядом и рассматривал увеличенное изображение на мониторе.

— По этим снимкам машину не идентифицируешь, — сказал он.

— Номер кузова виден.

— Номер виден. Машина — нет.

Волков приблизил фотографию.

— Заводские маркировки так не смотрят. Нужны дублирующие обозначения, блоки, скрытые места. Здесь тебе показали ровно то, что хотел показать фотограф.

— Подделка?

— Я этого не говорил. Фотографии обычные. Для страхового осмотра таких часто хватает.

— А тебе?

— Мне нужен автомобиль.

— Его как раз нет.

Волков усмехнулся.

— Тогда дай хотя бы исходные файлы. Не распечатки и не картинки из отчёта.

Глебов отправил дополнительный запрос. Ответ пришёл почти сразу: исходники сохранены в электронной системе, доступ будет предоставлен после согласования со службой безопасности страховой компании.

— Быстро отвечают, — заметил Волков.

— Пока им нечего скрывать.

— Или они ещё не решили, что именно скрывать.

Волков ушёл к себе, забрав копии фотографий.

Глебов остался перед монитором.

На одном из снимков «Мерседес» стоял возле стеклянного фасада. Съёмка велась на улице: сухой асфальт, пасмурное небо, рекламные щиты на противоположной стороне дороги. За автомобилем находился вход в небольшой технический центр.

Фотография была приложена к акту осмотра от девятнадцатого сентября.

Глебов увеличил номер кузова. Потом заднюю дверь. Потом отражение в чёрном лаке.

Отражение было искажено изгибом металла, но отдельные буквы читались.

«ФЕРМЕРСКИЙ...»

Ниже виднелся белый прямоугольник с цифрой 26.

Глебов открыл остальные фотографии. На снимке правой стороны надпись отражалась лучше: «ФЕРМЕРСКИЙ РЯД». Под ней стояли слова «Открытие 26 октября».

Сегодня было двадцать шестое.

Он ещё раз посмотрел на дату акта.

Девятнадцатое сентября.

Одна вывеска ничего не доказывала. Рекламу могли повесить заранее. Снимок могли приложить не к тому акту. Дату в фотоаппарате могли установить неправильно. Наконец, белый прямоугольник мог означать не день открытия, а номер павильона.

Глебов выписал адрес технического центра и нашёл телефон администрации здания напротив.

Ответила женщина с усталым голосом.

— Торговые ряды? Да, открылись сегодня. С восьми утра шарики вешали, музыку включали. Машину поставить негде.

— Вывеску когда установили?

— Сегодня ночью. Они нам полдома осветили, жильцы жаловались.

— Раньше её не было?

— Вчера вечером ещё точно не было. Я в девять закрывала офис.

Глебов записал её фамилию и должность.

— Вам официальный запрос придёт. Камеры на фасаде работают?

— Работают. Только у нас архив недолго хранится.

— Ничего не удаляйте. С вами свяжутся.

Он положил трубку и снова открыл фотографию.

Если снимок был сделан утром, то автомобиль существовал уже после того, как Чернов заявил о его исчезновении. Если машина на фотографии была той же самой.

Но это пока оставалось главным словом во всём материале: «если».

Кувшинов вернулся после полудня. На этот раз в руках у него была не кружка, а распечатка из страховой системы.

— Акт осмотра датирован девятнадцатым сентября, — сказал он. — Фотографии загрузили сегодня в восемь сорок три.

— После заявления.

— После заявления и после уведомления страховой. В системе есть отметка, что старые изображения восстанавливали из резервной копии.

— Кто восстанавливал?

— Сотрудник подрядной организации. Договор с ней заключили три месяца назад. Подпись в акте принадлежит страховому агенту, но самого осмотра он не проводил.

— Почему?

— Говорит, документы принесли готовыми. Он только оформил полис.

— Машину видел?

— Не помнит.

Глебов повернул монитор к Кувшинову и показал отражение вывески.

Санёк прочитал надпись, посмотрел на дату фотографии, затем на распечатку.

— Значит, резервную копию сделали сегодня утром.

— Значит, нам надо установить, что именно сфотографировали.

Кувшинов сел напротив.

— Страховая сейчас будет говорить, что техническая дата загрузки не равна дате съёмки. И будет права.

— Поэтому дата нам пока не нужна.

— А что нужно?

— Человек, который видел машину девятнадцатого сентября.

— Агент не видел. Осмотрщик в акте указан подрядный, но подпись электронная. Владелец утверждает, что приезжал лично.

— Кто ещё?

Кувшинов просмотрел бумаги.

— Банк принимал автомобиль в залог год назад. Дилер выдавал машину ещё раньше. Техобслуживание в последние месяцы не отмечено. Штрафы есть, но фотографий по большинству нет. Один проезд по платной дороге.

— Номер или машина?

— Номер.

В дверь заглянул Краснов.

— Можно?

— Заходи.

Женя разложил на столе схему ближайших улиц.

— Камера на въезде видит тёмный седан в двадцать один двенадцать. Номер засвечен. Марку уверенно не определить. На уровне машина теряется. Потом камеры отключаются.

— Выезд?

— Основной работает. «Мерседес» не выезжал. Но есть гостевой подъём с другого уровня. Там камера после ремонта смотрит в стену. Шлагбаум открывается по разовому коду, журнал сохраняет только время.

— В нужный промежуток открывался?

— Через семь минут после въезда тёмного седана.

Кувшинов посмотрел на Глебова.

— Быстро угнали.

— Или быстро уехали, — сказал Глебов.

Краснов продолжил:

— На улице хуже. Дождь, блики. На перекрёстке есть похожая машина, но это может быть что угодно. Я запросил запись у аптеки и банка. У банка камера захватывает гостевой выезд.

— Когда будет?

— Если не перезаписалась, сегодня.

— Хорошо. Ищи автомобиль, который въехал. Не тот, который должен был въехать.

Краснов кивнул. Он уже понял разницу.

В три часа Жилин собрал их у себя.

Андрей Вячеславович сидел за столом, положив перед собой первоначальный материал. Справа от него устроился Зимин. Глебов стоял у стены, Кувшинов и Краснов остались ближе к двери.

— Докладывай, — сказал Жилин.

Глебов коротко изложил факты: заявление, отключение камеры, тёмный седан на въезде, открытие гостевого шлагбаума, страховые фотографии и вывеска в отражении.

Зимин первым нарушил молчание.

— И что из этого следует?

— Пока ничего.

— Тогда зачем мы это обсуждаем?

— Потому что фотографию из страхового дела могли сделать сегодня утром.

— Могли. А могли загрузить старый файл. Ты сам говоришь, что дата ничего не доказывает.

— Не доказывает.

— Значит, машина существовала, её угнали, а мы вместо поиска обсуждаем вывеску магазина.

Жилин поднял ладонь.

— Сергей, подожди. Виталий, что ты предлагаешь?

— Разделить сведения.

Глебов подошёл к свободному столу и положил три листа.

На первом написал: «Подтверждено независимо».

На втором: «Подтверждено владельцем».

На третьем: «Существует в документах».

— Независимо подтверждены собой камеры, обращение к охране, заявление в полицию и наличие осколков на месте, — сказал он. — Владелец подтверждает, что поставил «Мерседес» на парковку. В документах существуют регистрация, страховка, осмотр, номер кузова и фотографии.

— И что? — спросил Зимин.

Глебов положил фотографию машины между вторым и третьим листом.

— Я не могу отнести её к независимым сведениям. Мы не знаем, когда она сделана и какой автомобиль на ней находится.

Кувшинов добавил:

— Агент машину не помнит. Конкретный осмотрщик пока не установлен. Изображения загружены после заявления об угоне.

— А камеры? — спросил Жилин.

Краснов ответил:

— Камера подтверждает въезд тёмного седана. Марку и номер не подтверждает. Выезда «Мерседеса» на рабочей камере нет.

Жилин посмотрел на три листа.

— Получается, у нас есть документы на машину, слова владельца о машине и место, где она якобы стояла.

— Да, — сказал Глебов.

— А сама машина?

— Её независимо не видел никто.

В кабинете стало тихо.

За окном дождь стучал по металлическому отливу. В коридоре кто-то засмеялся, но сразу закрыл дверь.

Зимин откинулся на спинку стула.

— Вы сейчас серьёзно хотите строить версию, что семимиллионного «Мерседеса» вообще не существовало?

— Нет, — ответил Глебов. — Я хочу установить, когда его в последний раз видел человек, которому не платил Чернов и который не оформлял его документы.

— Пока будешь устанавливать, машину разберут.

— Обычные версии отрабатываются. Ориентировка действует. Камеры и выезды проверяются.

Жилин закрыл папку.

— Правильно. Поиск не останавливать. Но и существование автомобиля считать установленным только по документам нельзя. Завтра осмотрите парковку заново. С экспертом. Поднимите оригинальные записи и найдите того, кто проводил страховой осмотр.

Он посмотрел на Глебова.

— Версию не объявлять. Ни владельцу, ни страховой, ни между кабинетами. Сначала факты.

— Понял.

— И ещё. Все запросы через регистрацию. Чтобы потом никто не сказал, что мы сами придумали дату или потеряли файл.

Глебов кивнул.

Зимин ничего не добавил. Он встал, взял телефон и вышел первым.

Когда дверь закрылась, Жилин задержал Глебова взглядом.

— Ты ему не доверяешь?

— Я проверяю материал.

— Я спросил не про материал.

Глебов помолчал.

— Не доверяю.

— Основания?

— Пока только опыт.

— Опыт в рапорт не подошьёшь.

— Поэтому я и не пишу рапорт.

Жилин едва заметно улыбнулся.

— Работай. Но не позволяй недоверию заменить доказательства.

— Не позволю.

Вечером отдел постепенно опустел. Краснов уехал за записью из банка. Кувшинов ждал ответа от страхового подрядчика. Волков готовил перечень того, что нужно проверить на парковке.

Глебов вернулся к трём листам.

На первом, с независимыми сведениями, были записаны время звонков, сбой камеры, обращение к охране, приезд полиции и найденное стекло.

На втором находились слова Чернова.

На третьем — полис, акт, регистрация, фотографии и номер кузова.

Глебов ещё раз просмотрел первый лист.

Там было много подтверждённых событий.

Не было только одного.

Ни один независимый человек не видел на парковке тот «Мерседес», который теперь искала вся Москва.

Глава 2. Неправильное стекло

Утром дождь прекратился, но подземная парковка всё ещё пахла сыростью.

Вода стекала с въезжающих машин, тянулась тёмными полосами по бетону и собиралась возле водосточных решёток. Место 217 было огорожено красно-белой лентой. На полу оставались меловые отметки, сделанные после ночного осмотра.

Самих осколков уже не было.

Их собрали в пакет, опечатали и передали в отдел полиции. На месте сохранились только мелкие крупинки стекла, застрявшие в шве между бетонными плитами.

Сергей Волков присел возле одной из отметок и достал складной фонарь.

Узкий луч прошёл по полу.

— Здесь лежала основная куча? — спросил он.

Глебов сверился с фототаблицей.

— Да. Семнадцать фрагментов. Ещё шесть ближе к колонне.

— А машина как стояла?

— Передом к стене.

Волков направил свет на середину парковочного места, потом на линию, отмеченную мелом, и провёл лучом воображаемый путь автомобиля.

— Основная куча лежала не под дверью, а сбоку. Там, где человек идёт от лифта к месту.

Глебов присел рядом и посмотрел вдоль бетонного шва.

— Осколки могли отбросить ногой. Или колесом при выезде.

— Ногой — несколько штук. Колесом картина была бы другой: часть стекла осталась бы в протекторе, часть ушла под днище, остальное разлетелось бы по направлению движения. Здесь его не разметало. Его положили так, чтобы заметили.

Волков поднялся и прошёл по пути Чернова. От лифтов до ограждения было около тридцати метров. Подойдя к месту, он остановился точно перед меловой отметкой.

— Удобно, — сказал он.

— Для чего?

— Чтобы заметить.

В бетонном шве поблёскивала стеклянная крошка.

Пакет с осколками уже находился в лаборатории, но копию маркировки Волков получил ночью. Он достал из папки увеличенную фотографию. На одном из фрагментов сохранились часть заводского обозначения и чёрная керамическая полоса по краю.

— Боковое стекло, — определил Глебов.

— Только не от этой машины. В её комплектации передние стёкла ламинированные: при повреждении они держатся на плёнке. А это обычное закалённое стекло, да и форма нижнего края другая.

Точную модель Волков обещал назвать после сравнения с каталогом. Предварительно осколки относились к «Мерседесу» другого класса и более раннего года. Оттенок был достаточно похож, чтобы не вызвать вопроса у человека, который увидит стекло на бетонном полу, а не под лабораторной лампой.

Глебов взял фотографию.

Волков снова присел, поддел одну крупинку кончиком пинцета и переложил на белую карточку.

— В швах почти нет мелкой фракции. Когда стекло бьют на месте, остаётся не только то, что собирают рукой: пыль, мелкие кубики, частицы в щелях. Здесь принесли крупные осколки, а стеклянную пыль принести забыли.

— Значит, разбили в другом месте.

— Предварительно — да. Проверим кромки: на них могут остаться чужая грязь, следы упаковки или старые повреждения.

Волков убрал карточку в отдельный пакет.

— Бумагу можно напечатать заново, — сказал он. — Стекло тоже можно принести. Только оно всё равно остаётся тем, чем было.

К ограждению подошёл охранник. Тот же мужчина, которого Чернов поднял ночью. Сейчас он был без форменной куртки, в синей рубашке и с бейджем на груди.

— Вы из МУРа?

— Старший оперуполномоченный Глебов. Это эксперт Волков.

Охранник посмотрел на фонарь и пакеты.

— Я уже всё рассказал.

— Я читал, — сказал Глебов. — Покажите теперь на месте.

— Что показать?

— Где вы находились, когда услышали удар.

Охранник повернулся к будке.

— Там сидел. Ночь тихая была. Потом звук, как будто стекло разбили.

— Громкий?

— Достаточно громкий.

— Вы сразу вышли?

— Сразу.

Он говорил уверенно. Не торопился, не искал слова. Будто повторял события, которые уже несколько раз объяснял разным людям.

— Дальше, — попросил Глебов.

Охранник подошёл к будке, открыл дверь и встал у стола.

— Я был здесь. Услышал удар, посмотрел на камеры. На втором уровне сигнала не было. Вышёл проверить.

— Один?

— Один. Сменщик наверху обход делал.

— Что взяли с собой?

— Рацию.

— Фонарь?

— Фонарь тоже.

— Ключи от технических помещений?

Охранник задумался.

— Наверное.

— Не наверное. Они были у вас в руке или остались здесь?

— В руке.

Возле монитора на крючке висела связка ключей.

— Покажите, как держали.

Охранник снял ключи, взял рацию и фонарь. В одной руке оказалась тяжёлая связка, в другой — рация. Для фонаря места не осталось.

Он переложил ключи в карман.

— Вот так.

— Хорошо. Куда пошли?

Охранник вышел из будки.

— Сначала к месту. Услышал шаги. Увидел тёмную фигуру возле колонны. Человек быстро ушёл в сторону лестницы.

— Мужчина?

— Думаю, да.

— Рост?

— Средний. Может, выше среднего.

— Одежда?

— Тёмная куртка, капюшон.

Он показал на дальний проход. От будки до колонны было почти пятьдесят метров. Свет там горел через одну лампу.

— Лицо видели?

— Нет.

— Куда он ушёл?

— На лестницу.

— Вы пошли за ним?

— Нет. Я услышал хруст под ногами и увидел стекло. Потом заметил, что машины нет.

Охранник повторил фразу из своих письменных объяснений почти дословно:

— Был характерный хруст стекла под колёсами. Я понял, что автомобиль угнали.

Волков поднял глаза на Глебова, но ничего не сказал.

— Под чьими колёсами? — спросил Глебов.

Охранник замер.

— Что?

— Вы сказали: хруст стекла под колёсами. Какие колёса вы слышали?

— Ну... машины.

— Какой?

— Которая уезжала.

— Но вы только что сказали, что увидели человека, уходящего пешком.

— Значит, я не так выразился. Под ногами хрустело.

Глебов не стал спорить.

— Давайте ещё раз. Только теперь с конца.

— Как это?

— Начните с приезда полиции и рассказывайте назад. Что было перед этим?

Охранник нахмурился.

— Приехала полиция. До этого хозяин машины звонил. До него я увидел пустое место.

— А до пустого места?

— Стекло.

— До стекла?

— Тёмную фигуру.

— До фигуры?

— Услышал удар.

— Где в этот момент были ключи?

— У меня.

— Рация?

— Тоже у меня.

— Фонарь уже включили?

— Да.

— Тогда чем открыли дверь будки?

Охранник посмотрел назад.

Дверь закрывалась автоматически. Снаружи она открывалась магнитной картой, закреплённой на той же связке.

— Ключами.

— Но они, по вашим словам, уже были в кармане. Рация в одной руке, фонарь в другой.

— Я мог переложить.

— Могли. Что вы сделали сразу после того, как увидели фигуру?

— Пошёл к машине.

— А дверь лестницы проверили?

— Проверил.

— До машины или после?

— До.

— Тогда как вы могли слышать хруст на месте 217?

Охранник посмотрел на меловые отметки. Уверенность исчезла не сразу. Сначала он попытался повторить прежнюю последовательность, затем остановился.

— Столько вопросов было, — сказал он. — Ночью одно говорил, утром другое спрашивали. Я уже запутался.

— Это нормально, — ответил Глебов. — Поэтому я не прошу вас вспомнить правильный ответ. Я прошу вспомнить, что вы делали.

— Я всё написал в объяснении.

— Кто помогал писать?

Охранник быстро взглянул на будку.

— Никто.

— Фраза про характерный хруст ваша?

— Моя.

— Вы часто так говорите?

— Как?

— «Характерный хруст стекла под колёсами».

— Нормальная фраза.

— Нормальная, — согласился Глебов. — Только вы не видели колёс.

Охранник провёл ладонью по лицу.

— Мне сказали, машина, наверное, по стеклу проехала.

— Кто сказал?

— Не помню.

— Управляющий?

— Может, он. Может, полицейский ночью. Все говорили одновременно.

— А про тёмную фигуру?

Охранник молчал.

— Вы её видели?

— На камере что-то было.

— Камера не работала.

— На другой.

— На какой?

Он снова посмотрел на мониторы.

— Не помню.

Глебов выдержал паузу.

— Когда Чернов подошёл к будке, вы уже знали, что место пустое?

Охранник ответил не сразу.

— Нет.

— Вы выходили сюда до его прихода?

— Я обход делал.

— Во сколько?

— Не помню.

— Перед ударом или после?

Охранник опустил голову.

— До Чернова я сюда не выходил.

Это прозвучало тихо, но парковка разнесла слова эхом.

— Значит, удара вы не слышали.

— Может, слышал. Я не понял, что это стекло.

— И фигуру не видели.

— Нет.

— Почему написали?

Охранник сжал связку ключей.

— Управляющий сказал, крайним сделают меня. Камера не работала, журнал не заполнен. Потом один человек объяснил, что, если был посторонний, это уже не моя халатность. Сказал, я мог услышать удар и не придать значения.

— Какой человек?

— Не знаю. Он с управляющим разговаривал. Был в обычной куртке. Я думал, из службы безопасности комплекса.

— Когда это было?

— Пока полиция место смотрела. Он отвёл меня в сторону.

— Узнать сможете?

Охранник пожал плечами.

— Если увижу, наверное.

Глебов достал чистый лист.

— Сейчас напишете новое объяснение. Своими словами. Только то, что видели и делали сами.

— Меня уволят.

— Возможно.

Охранник поднял на него глаза.

— А если оставлю как было?

— Тогда чужая ложь станет вашей.

Глебов сказал это спокойно. Без угрозы. Охранник ещё несколько секунд держал ключи, потом повесил их на место.

— Давайте лист.

Пока он писал, телефон Глебова завибрировал.

Звонил Кувшинов.

— Виталий, ты можешь говорить?

— Говори.

— Я нашёл фразу.

— Какую?

— Про характерный хруст стекла под колёсами.

Глебов отошёл от будки.

— Где?

— Страховое дело трёхлетней давности. Угон «Лексуса» из гаражного комплекса в Черёмушках. Ночной сторож написал, что слышал характерный хруст стекла под колёсами и увидел удаляющийся силуэт.

— Дословно?

— Почти. Я сначала подумал, что показалось. Потом нашёл ещё одно дело. Там внедорожник исчез со стоянки у фитнес-клуба. Администратор слышала удар, увидела тёмную фигуру и потом обнаружила осколки.

— Страховые компании те же?

— Разные.

— Свидетели?

— Никак не связаны. Один живёт в Черёмушках, вторая в Сокольниках. Третий эпизод сейчас поднимают из архива.

— Почему третий?

— Потому что в базе нашлась ещё одна такая фраза. Слово в слово.

Глебов посмотрел на охранника. Тот медленно заполнял лист, останавливаясь после каждого предложения.

— Кто оформлял осмотры?

— Формально разные люди. Но в двух делах подрядчики связаны через одного владельца.

В третьем пока не знаю.

— Выплаты были?

— По двум точно. Крупные. По одному шёл судебный спор, потом страховая заключила соглашение.

— Собери всё, но выводов не делай.

— Уже собираю.

— И Санёк.

— Да?

— Подними все угоны с похожими формулировками. Не только «Мерседесы» и не только эту страховую.

— Понял.

Глебов убрал телефон.

Волков стоял у места 217 и светил фонарём вдоль бетонного шва.

— Что нашли? — спросил он.

— Пока одну и ту же фразу в разных делах.

— Фразы я не исследую.

— А стекло?

— Стекло неправильное.

— Насколько неправильное?

Волков выключил фонарь.

— Настолько, что его выбирал человек, который знал марку, но не знал машину.

К вечеру они вернулись на Петровку. В длинных коридорах стало тише, но здание не пустело: за закрытыми дверями продолжали звонить телефоны, кто-то грел в чайнике воду, кто-то торопливо нёс под мышкой разбухшую папку. Из приоткрытого окна тянуло холодом и сигаретным дымом со двора.

На столе Кувшинова лежали четыре страховых дела.

Разные годы. Разные районы Москвы. Разные владельцы, охранники и страховые компании.

В одном случае автомобиль исчез из подземного гаража. В другом — со стоянки возле спортивного клуба. В третьем — из двора закрытого коттеджного посёлка. Четвёртым было дело Чернова.

Сценарии различались. Где-то камера отключилась, где-то оказалась повёрнута в сторону, где-то запись сохранилась, но номер автомобиля закрывал отблеск фары. В одном деле нашли стекло, в другом — кусок пластика от замка, в третьем — след протектора.

Совпадало другое.

Во всех четырёх объяснениях свидетель сначала слышал удар, затем видел тёмную фигуру, а после замечал пустое место.

И во всех четырёх материалах была одна фраза:

«Характерный хруст стекла под колёсами».

Глебов положил листы рядом.

Один свидетель мог подобрать такие слова случайно.

Два — с трудом.

Четыре человека, не знакомые друг с другом, случайно не рассказывали одну и ту же историю.

Глава 3. Одиннадцатый «Мерседес»

Утром четыре дела легли на стол Андрея Вячеславовича Жилина.

Он прочитал одинаковые фразы, просмотрел схемы стоянок и отдельно задержался на новых объяснениях охранника.

— Зимин видел? — спросил он.

— Пока нет, — ответил Глебов.

— Почему?

— Он просил докладывать каждый шаг. Это ещё не шаг.

— А что?

— Направление проверки.

Жилин отложил последний лист.

— Очень тонкая разница.

— Поэтому и пришёл к вам.

Начальник снова посмотрел на четыре фразы.

— Что нужно?

— Поднять похожие угоны за несколько лет. Не по одной страховой и не по одному округу. Запросить материалы выплат, осмотров и розыска. Проверить подрядчиков.

— Сколько времени?

— Пока не знаю.

— Людей?

— Кувшинов по страховым материалам. Краснов по камерам и адресам. Остальных подключим точно.

Жилин помолчал.

— Официальное основание — проверка совпадающих обстоятельств по резонансному угону. Никакой «серийной группы» в переписке. Сначала докажите, что дела связаны.

— Понял.

— И Зимину доложи сам. Он всё равно узнает.

Глебов собрал бумаги.

— Виталий.

Он остановился у двери.

— Четыре одинаковые фразы — это ещё не четыре одинаковых преступления.

— Знаю.

— Тогда работай.

Зимину Глебов доложил в то же утро. Сообщил о совпадающих формулировках, неправильном стекле и разрешении поднять старые материалы. Заместитель выслушал, спросил, продолжается ли обычный розыск нынешнего «Мерседеса», и напомнил, что архивная проверка не должна забрать людей с действующих разработок.

— Не превращай четыре похожие бумажки в преступную империю, — сказал он.

— Поэтому и проверяем.

Архив находился в другой части комплекса. До него нужно было пройти два коридора, спуститься по старой лестнице, пересечь внутренний переход и снова подняться на этаж. В Петровке расстояние редко измеряли метрами. Чаще — количеством дверей, постов и сотрудников, которым по пути приходилось объяснять, куда идёшь.

За одной дверью спорили о задержании. За другой кто-то диктовал ориентировку. Из третьего кабинета вышел опер с телефонной трубкой в руке, понял, что провод короткий, и вернулся обратно, не прекращая разговора.

В архивном коридоре было тише. Здесь сильнее пахло старой бумагой и пылью. На металлических стеллажах стояли папки разных лет: новые ещё сохраняли цвет обложек, старые выгорели до одинакового серо-жёлтого оттенка.

Кувшинов уже ждал у стола с журналом выдачи.

— Нам согласовали семь коробок, — сказал он. — Остальное придёт из округов.

— Семь коробок или семь дел?

— Если бы семь дел, я бы не звал тебя смотреть на тележку.

У стены стояла низкая металлическая тележка, нагруженная папками.

Глебов снял верхнюю.

— С чего начнём?

— С того, чего жулики не любят менять. Порядок денег.

— А одинаковые фразы?

— Это приманка. Может быть общим шаблоном, а может быть способом связать чужие дела и увести нас в архив на неделю. Выплату всё равно нужно кому-то получить, согласовать и обосновать.

Глебов повернулся к нему.

— Значит, не веришь в серию?

— Верю в документы. Серия получится, если в разных делах повторится не только рассказ, но и функция.

Они начали с актов страхового осмотра.

Кувшинов отмечал подрядчиков, даты загрузки фотографий, время между заключением договора и заявлением об угоне. Глебов читал объяснения владельцев и свидетелей. Отдельно выписывал тех, кто видел автомобиль своими глазами, а не узнавал о нём из документов.

К обеду четыре дела превратились в семь.

Сходство было не прямым.

В одном случае владелец сообщил об угоне через девять часов, объяснив, что сначала самостоятельно объезжал соседние дворы. В другом камера работала, но её закрывал грузовик, оставленный на ночь поперёк сектора. В третьем охранник не слышал стекла, зато запомнил редкий запах горелой проводки. В четвёртом страховой осмотр провели не возле офиса, а на парковке торгового центра.

— Они меняли сцену, — сказал Глебов.

Кувшинов не поднял головы.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что страховая проверяет совпадения. Если один и тот же автомобиль десять раз исчезнет под отключённой камерой, платить перестанут даже самые ленивые. А если сегодня сломалась камера, завтра опоздал владелец, послезавтра ошибся осматрщик, получается не схема, а обычная жизнь.

Он разложил перед собой семь карточек.

— Смотри. Разные страховые. Разные посредники. Но фотографии загружали через три организации. У двух общий бухгалтер. Третья арендует кабинет у владельца первой.

— Формально законно?

— Формально они вообще друг друга не знают.

— А фактически?

— Фактически экономят на бухгалтере и помещении. Это не преступление.

— Но функция повторяется.

— Осмотр проходит через один круг людей.

К вечеру пришли ответы ещё из двух округов. Краснов принёс список адресов и положил рядом карту Москвы.

— По камерам связи пока нет, — сказал он. — Все эпизоды в разных районах. Но два владельца за месяц до угона приезжали по одному адресу возле Варшавского шоссе. Один засветился на дорожной камере, второй получил там штраф за парковку.

— Что по адресу?

— Центр автомобильной безопасности. Консультации, противоугонные системы, сопровождение страховых споров.

— Кто владелец?

— Виктор Арсеньев.

Фамилия пока ничего не сказала Глебову.

Кувшинов поднял одну из папок.

— Он здесь есть.

В деле об угоне «Лексуса» Арсеньев значился консультантом владельца. Он подготовил заключение о недостатках охраны стоянки и участвовал в переговорах со страховой компанией.

— В другом деле фамилии нет, — сказал Кувшинов. — Но доверенность на получение документов выдана организации с того же адреса.

— Поднимите всё. Только без выводов.

На третий день нашлось девятое дело.

На пятый — десятое.

Одиннадцатой оказалась история ещё одного чёрного «Мерседеса».

Он исчез два года назад со стоянки возле загородного ресторана. Владелец сообщил об угоне только утром, хотя приехал за автомобилем около полуночи. Объяснил задержку разряженным телефоном и попыткой найти машину с помощью знакомых. Камеры ресторана сохранились, но нужный участок стоянки закрывал праздничный фургон. Свидетель видел, как неизвестный мужчина ходил между рядами с фонарём.

Страховая отказала в выплате из-за позднего обращения. Через несколько месяцев суд утвердил соглашение, по которому владелец получил большую часть суммы.

В материалах суда его представителем был Виктор Арсеньев.

— Второй, — сказал Кувшинов.

Глебов написал фамилию на отдельной карточке, но не прикрепил к общей схеме.

— Где третий?

— Сейчас покажу.

Третий эпизод отличался от остальных. После выплаты похищенный автомобиль якобы обнаружили в Тверской области. Страховая направила представителя для осмотра, но машину не изъяли. На месте предъявили документы другого региона на автомобиль с похожими признаками и другим идентификационным номером. Проверка признала совпадение случайным, и транспорт вернули человеку, названному законным владельцем.

— Кто присутствовал при осмотре? — спросил Глебов.

Кувшинов перевернул лист.

— Сотрудник полиции, представитель региональной страховой службы, владелец по документам и специалист по автомобильной идентификации.

— Фамилия специалиста?

— Арсеньев.

— Заключение его?

— Нет. Он расписался только в листе присутствующих. Заключение подписал другой эксперт.

— Основания для участия?

— Устная просьба владельца. Формального запрета нет.

Глебов взял копию листа.

В трёх делах Арсеньев появлялся в разных качествах. Консультант по безопасности. Представитель владельца. Приглашённый специалист на осмотре.

Ни одна роль сама по себе не была незаконной.

— Поедем к владельцу, — сказал Глебов.

Формальный владелец найденного автомобиля жил в панельном доме возле станции метро «Пражская». Дверь открыл мужчина лет сорока в домашней футболке. Услышав фамилию Глебова и название подразделения, он сначала хотел разговаривать на площадке, потом всё же впустил в квартиру.

В коридоре стояли детский велосипед и коробки с бытовой техникой. На стене висела фотография того самого «Мерседеса».

— Машина где? — спросил Глебов.

— Продал.

— Когда?

— Через месяц после той проверки.

— Кому?

— Не помню. В договоре есть.

— Договор сохранился?

— Должен быть.

Мужчина долго искал бумаги в шкафу. Принёс прозрачную папку, в которой лежали регистрационные документы, копия договора и старые квитанции.

Кувшинов просмотрел их.

— Вы покупали автомобиль в Нижнем Новгороде?

— Да.

— У кого?

— Через знакомых.

— Машину перед покупкой проверяли?

— Проверяли люди, которые понимают.

— Арсеньев? — спросил Глебов.

Мужчина насторожился.

— Он просто помог.

— В чём?

— Сказал, машина чистая. Потом, когда страховая из Москвы начала задавать вопросы, приехал и всё объяснил.

— Бесплатно?

— Почему бесплатно? Я заплатил за консультацию.

— Кому именно?

— Фирме.

Кувшинов показал ему квитанцию.

— Этой?

— Наверное.

Организация была зарегистрирована за полгода до покупки и закрыта вскоре после продажи автомобиля.

— Почему так быстро продали машину? — спросил Глебов.

— Деньги понадобились.

— Не испугались проверки?

— Арсеньев сказал, проверка закончена. Документы законные. Я ничего не нарушал.

Он говорил раздражённо, но не походил на человека, который знал всю историю автомобиля. Скорее на покупателя, которому однажды предложили удобную сделку, а потом помогли не задавать лишних вопросов.

— Покупателя найдём, — сказал Глебов. — Копии документов заберём по акту.

— Машину отнимут?

— Сначала её нужно найти.

На улице Кувшинов остановился у подъезда.

— Он мог быть подставным.

— Мог.

— А мог всё знать.

— Мог.

— Удобно с тобой версии обсуждать.

Глебов посмотрел на окна квартиры.

— Он подтверждает только одно: Арсеньев появился в момент, когда автомобиль могли признать похищенным, и помог доказать, что это другая машина.

— То есть спас её от изъятия.

— Или законного владельца от чужой ошибки.

Кувшинов убрал блокнот.

— Ты сам в это веришь?

— Не обязан. Обязан проверить.

На Петровку они вернулись затемно.

В кабинете Глебова одиннадцать дел заняли подоконник, два стула и половину шкафа. К каждой папке Кувшинов прикрепил карточку: дата страхования, дата исчезновения, сумма выплаты, подрядчик осмотра, свидетель, неисправность камеры, дальнейшая судьба автомобиля.

Зимин появился в дверях, окинул взглядом папки.

— Решили весь архив сюда перенести?

— Проверяем сходные эпизоды, — сказал Глебов.

— Результат есть?

— Есть одиннадцать дел, которые нужно проверять.

— Это не результат. Это объём работы.

— Пока да.

Зимин задержал взгляд на карточке с фамилией Арсеньева.

— Кого-то нашли?

— Повторяющегося участника.

— Фамилия знакомая?

— Проверяем.

— Не забудь доложить, когда проверишь.

Он ушёл. Глебов дождался, пока шаги стихнут в коридоре, и закрыл дверь.

Краснов положил на стол распечатанную страницу.

— Арсеньев бывший оперативник. Сейчас консультант по автомобильной безопасности. Выступает на телевидении, входит в несколько общественных советов, помогает ветеранским организациям. Судимостей нет. Официальных претензий тоже.

На фотографии Виктор Арсеньев стоял возле дорогого автомобиля и объяснял журналисту устройство противоугонной системы. Седые виски, спокойное лицо, дорогой костюм. Человек, которого приглашали, когда нужно было говорить уверенно и понятно.

— Значит, организатор, — сказал Краснов.

— Нет, — ответил Глебов.

— Три разных дела. Три разных роли. Один и тот же человек.

— Это значит только то, что он там был.

Кувшинов поддержал:

— И получал деньги за законную работу.

— Вы оба сейчас его защищаете?

— Мы защищаем дело от удобного вывода, — сказал Глебов.

Он снял карточку Арсеньева со стола и положил рядом с тремя папками.

— Не ищем доказательства, что он организатор. Устанавливаем его функцию. Что именно менялось после его появления? Чьи сомнения исчезали? Какой документ становился достаточным?

Краснов кивнул, хотя по лицу было видно, что версия ему всё ещё нравилась.

Кувшинов открыл четвёртую папку.

— Подождите.

Он достал фототаблицу страхового осмотра. На переднем плане стоял серебристый автомобиль. Рядом осматривщик держал табличку с датой. В глубине, у открытой двери бокса, разговаривали двое мужчин.

Одного Кувшинов закрыл пальцем, оставив второго.

— Похож?

Краснов поднёс фотографию к распечатанному портрету.

— Он.

Глебов сравнил линию волос, форму уха и оправу очков.

На фотографии был Виктор Арсеньев.

Глебов просмотрел акт, список присутствующих, доверенности и приложения.

Фамилии Арсеньева не было нигде.

В трёх делах он вошёл законно и оставил подпись.

В четвёртом просто стоял рядом, будто заранее знал, какой автомобиль будут осматривать.

До вечера Глебов оформлял то, что для постороннего уместилось бы в одну фразу: «начали разрабатывать Арсеньева». В рапорте такой фразы быть не могло. Он перечислил одиннадцать эпизодов, повторяющиеся функции, появление Арсеньева в четырёх делах и признаки того, что страховые осмотры могли проводиться с использованием одних и тех же кузовов.

Жилин прочитал рапорт и разрешил завести дело оперативного учёта.

— Что ставишь первым? — спросил он.

— Сначала пробьём людей и машины по учётам, поднимем старые дела, поговорим с теми, кто видел кузова. По Арсеньеву дадим отдельные задания наружке.

— Телефоны?

— На уши пока не ставим. Оснований нет.

— Правильно. Уши — не лекарство от человеческого любопытства. Сначала покажи суду, зачем они нужны делу.

Для каждой меры появилась своя задача. Краснов пробивал связи Арсеньева по открытым и служебным учётам, отрабатывал адреса и автомобили. Кувшинов готовил страховые материалы к исследованию: не просто читал копии, а фиксировал источник, дату получения и признаки, по которым один документ можно было сопоставить с другим. Глебов собирал людей, способных объяснить техническую сторону схемы.

Уши и ноги разработке пока не приделали. Телефоны не слушали, наружку у каждого подъезда не выставляли.

Она начиналась с границы: что они уже вправе делать, а для чего ещё должны добыть основания.

Глебов взял телефон и набрал старый номер.

— Мне нужен человек, который знает рынок перебитых машин, — сказал он, когда ответили. — Не болтун. Тот, кто сам работал руками.

Собеседник помолчал.

— Тогда ищи Седого.

Глава 4. Седой

Седой позвонил через два дня.

Номер не определился. Голос был спокойный, молодой для такого прозвища.

— Глебов?

— Да.

— Сегодня в семь. Заправка на Дмитровском шоссе, после развязки. Будешь один.

— Хорошо.

— Не торопись соглашаться. За тобой хвост будет?

— Нет.

— Если будет, я увижу раньше тебя.

Связь оборвалась.

В шесть сорок Глебов оставил Петровку. Кувшинову сказал только район и время контрольного звонка. Фамилию не назвал: сам ещё не был уверен, что на встречу придёт именно Рудин.

Москва стояла в вечерних пробках. Дождь сменился мелким мокрым снегом, который таял на стекле раньше, чем дворники успевали его убрать. На Дмитровском шоссе красные огни машин вытянулись почти до развязки.

За десять минут до назначенного времени телефон снова зазвонил.

— Заправку проезжай, — сказал Седой. — Через километр направо. Там гаражи.

— Какие ворота?

— Увидишь зелёный грузовик. За ним второй въезд.

Глебов ничего не ответил.

— И телефон в машине оставь.

— Нет.

В трубке повисла пауза.

— Не доверяешь?

— Это служебный телефон. Я его в чужом дворе не оставляю.

— Тогда выключи.

— Выключу на месте.

Седой усмехнулся и отключился.

Гаражный комплекс начинался за строительным рынком. Длинные ряды кирпичных боксов уходили к железнодорожной насыпи. Между ними стояли старые автомобили, прицепы и машины под серыми чехлами. Свет горел только возле сторожки и над несколькими воротами.

Глебов нашёл зелёный грузовик, свернул во второй проезд и остановил BMW у ряда с нечётными номерами.

Телефон завибрировал в третий раз.

— Выходи. Иди прямо.

— Куда?

— Пока не скажу повернуть.

Глебов выключил двигатель, убрал телефон во внутренний карман и вышел.

Под ногами хрустел мокрый песок. Между гаражами тянуло холодным металлом, выхлопом и маслом. Где-то работал компрессор. Из-за закрытых ворот доносилась музыка.

— Налево, — сказал Седой в трубке. — Потом сразу направо.

Глебов прошёл ещё два ряда.

— Остановись.

Он остановился возле гаража с облупившейся синей дверью.

— Теперь вернись назад.

— Мы встречаемся или проверяем моё терпение?

— Проверяем, кто идёт следом.

Глебов оглянулся. Проход был пуст.

— Никого.

— Ты видишь пустой проход. Я спросил, кто идёт следом.

— Никто.

Седой снова отключился.

Через минуту в дальнем ряду открылись ворота. На бетон легла полоса жёлтого света. Из гаража выехал старый универсал, медленно прошёл мимо Глебова и скрылся за поворотом.

Следом появился мужчина в тёмной куртке.

Ему было около сорока. Среднего роста, коротко стриженный. От правого виска через тёмные волосы шла широкая седая прядь. Она и объясняла прозвище.

Мужчина не подошёл сразу. Посмотрел в сторону, куда уехал универсал, затем на противоположный конец ряда.

Из соседнего гаража хлопнула автомобильная дверь.

Седой чуть повернул голову.

— Сто двадцать четвёртый, — сказал он. — Правая задняя. Петля просела.

— Что?

— «Мерседес» сто двадцать четвёртый кузов. Дверь слышал?

Через несколько секунд ворота соседнего бокса поднялись, и наружу действительно выехал старый «Мерседес». Водитель притормозил, пропуская их. Правая задняя дверь была другого оттенка.

Седой дождался, пока машина уедет.

— Теперь можно разговаривать.

— Сергей Рудин?

— Для начала Седой.

— Ты знаешь, кто я.

— Поэтому и пришёл.

Он открыл боковую дверь гаража и жестом пригласил Глебова внутрь.

В помещении стояли верстак, два металлических шкафа и разобранный мотоцикл. Автомобиля не было. На стене висели инструменты, разложенные по размеру. В углу работал электрический обогреватель.

Седой закрыл дверь, но замок не повернул.

— Телефон выключил?

Глебов достал аппарат, показал погасший экран и снова убрал в карман.

— Запись ведёшь?

— Нет.

— А мог бы соврать.

— Мог бы. Тогда разговор закончился бы после первой проверки.

Седой сел на край верстака.

— Спрашивай.

Глебов достал фотографию Арсеньева, но показывать не стал.

— Чёрный «Мерседес» с парковки жилого комплекса.

— Не слышал.

— Одиннадцать похожих угонов.

— В Москве каждый день что-нибудь угоняют.

— В четырёх делах свидетели говорят одинаковыми словами.

— Люди вообще говорят одинаково. Особенно после полиции и страховой.

— Стекло на последнем месте было от другой машины.

Седой посмотрел на Глебова внимательнее.

— Бывает.

— Фотографии страхового осмотра загрузили после заявления. Машина на них снята утром, когда уже считалась угнанной.

— Тогда вы её нашли.

— Мы нашли фотографию.

— Для страховой иногда этого достаточно.

— А для тебя?

Седой усмехнулся.

— Мне за фотографии не платили.

— За что платили?

Ответ последовал не сразу.

Седой назвал это работой с машинами. Не угоном и не подделкой — технической работой: доступные маркировки, электронные блоки, подготовка к осмотру, иногда перевозка.

— По всем одиннадцати эпизодам?

— По некоторым. Какие именно, сейчас перечислять не буду. Я не пришёл писать явку с повинной.

— Тогда зачем пришёл?

Седой спрыгнул с верстака и подошёл к шкафу. Открыл верхнюю дверцу, достал бутылку воды.

— Потому что ваш новый «Мерседес» никто не угонял.

— Откуда знаешь?

— Я видел, как строили такие истории.

— Эту строил ты?

— Нет.

— Кто?

— Не знаю.

— Или не скажешь?

— И то и другое тебя пока должно устраивать.

Глебов положил фотографию Арсеньева на верстак.

Седой посмотрел на неё и сделал глоток воды.

Лицо не изменилось.

— Знаком?

— По телевизору видел.

— В четырёх страховых делах он тоже был не по телевизору.

— Значит, работает человек.

— Кем?

— Спроси у него.

— Спрошу. Когда пойму, о чём спрашивать.

Седой вернул фотографию.

— Правильный подход.

— Объясни неправильный.

— Неправильный — схватить первого, кто умеет перебивать номера, и сделать его организатором. У вас таких дел половина архива.

— Боишься, что схватят тебя?

— Не боюсь. Готовлюсь.

— К чему?

Седой поставил бутылку на верстак.

— В какой-то момент я заметил, что работаю чаще, чем получаю. Потом нашёл платежи, которых не видел. Договоры на моё имя. Переписку с людьми, с которыми никогда не разговаривал. Если всё сложить, получается, что я придумал схему, раздавал команды и забирал деньги.

— А на самом деле?

— На самом деле я делал свою часть и не спрашивал, кто делает остальные.

— Это должно тебя оправдать?

— Нет. Это должно показать тебе разницу между исполнителем и хозяином.

— Ты знал, что машины используют для страховых выплат?

Седой выдержал его взгляд.

— Знал.

— Получал деньги?

— Получал.

— Значит, отвечать придётся.

— Я другого ответа и не ждал.

В гараже снова стало слышно компрессор за стеной. Он работал рывками, потом замолкал.

— Расскажи про машину, которую не угоняли, — сказал Глебов.

Седой помедлил.

— С чего для тебя начинается автомобиль?

— С кузова.

— Для опера — может быть. Для страховой он начинается с документов. Для банка — с залога. Для регистратора — с записи в системе. Для камеры — с номера. Для владельца — с ключа в кармане. Все видят разную машину.

— А жулики?

— Жулики видят, что эти машины можно разделить.

Седой взял с полки старый технический паспорт без обложки и положил перед Глебовым.

— Допустим, дорогой автомобиль разбился за границей и восстановлению не подлежит. Кузова больше нет. Но данные остались: номер, год, комплектация, история обслуживания. На бумаге он всё ещё существует.

— Дальше?

— Дальше похожий настоящий автомобиль на короткое время становится его телом. Его показывают там, где нужно показать. Фотографируют, осматривают, ставят перед камерой. Потом кузов уезжает, а документы продолжают жить сами.

— Один кузов на несколько комплектов документов?

— Иногда.

— Значит, в разных делах могли страховать одну и ту же машину.

— Не машину.

Седой постучал пальцем по техническому паспорту.

— Биографию.

Глебов вспомнил фотографии, сделанные после заявления. Тёмный седан на въезде. Пустое место. Стекло от другой модели.

— Машину угоняют один раз, — продолжил Седой. — Документы могут угонять всю жизнь.

Глебова интересовал настоящий кузов — тот, который стоял на страховых фотографиях Чернова. Седой ответил, что не знает, где он, и даже не стал уверенно подтверждать, что кузов ещё существует.

— Без него осмотр не провести.

— Я объяснил старый способ. Сейчас могли сделать умнее.

— Насколько умнее?

Седой посмотрел на закрытые ворота.

— Настолько, чтобы мне не рассказывали.

— Кто перестал рассказывать?

— Люди, которые решили, что исполнитель слишком много знает.

— Арсеньев?

Седой усмехнулся, но в глазах веселья не было.

— Ты всё-таки пришёл за фамилией.

— Я пришёл за проверяемыми фактами.

— Тогда проверь то, что уже услышал.

Официально повторять рассказ Седой отказался. Он был уверен: к утру его назначат организатором. У полиции окажутся признания, у настоящих хозяев схемы — договоры, платежи и записи на его имя. Удобная виновность, заранее собранная чужими руками.

— Свободу я тебе не обещаю. И маленькой твою роль называть не стану.

— Другого ответа я и не ждал.

— Тогда чего ты хочешь?

Седой подошёл к двери.

— Чтобы ты сначала понял, что ищешь.

Он открыл замок. В гараж ворвался холодный воздух.

— Чернов заявил, что оставил машину на парковке, — сказал Глебов. — Камера видела въезжающий седан. Страховая получила фотографии. Полиция нашла стекло.

— Всё настоящее, — ответил Седой. — Седан въехал. Камера отключилась. Чернов спустился. Стекло лежало. Документы существуют.

— Ложь где?

Седой посмотрел на него через плечо.

— В выводе.

— Каком?

— Что всё это относится к одному автомобилю.

Он вышел в тёмный гаражный ряд.

Глебов последовал за ним.

— Я могу проверить документы, камеры и фотографии. Но мне нужен человек, который объяснит техническую часть под протокол.

— Под протокол я ничего не скажу.

— Тогда твой рассказ ничего не стоит.

Седой остановился.

— Есть промежуточный вариант.

— Предварительный опрос.

— Без обещаний и без фамилий.

— Без обещаний. Но если ты признаешь свою работу, она будет проверяться так же, как всё остальное.

— Справедливо.

— Поедем на Петровку.

Седой посмотрел в сторону въезда. За гаражами прошёл поезд, и металлический грохот на несколько секунд заглушил весь комплекс.

— Только запомни, Глебов. Ты сейчас ищешь не угнанный «Мерседес».

— А что?

Седая прядь резко выделялась под жёлтым фонарём.

— Машину, которой никогда не было.

Глава 5. Ночной опрос

На Петровку они приехали в половине одиннадцатого.

Двор блестел после мокрого снега. В окнах главного корпуса горел редкий свет, но у пропускного пункта дежурный работал так же внимательно, как днём. Он проверил удостоверение Глебова, записал данные Рудина и выдал временный пропуск.

— Я задержан? — спросил Седой.

— Нет, — ответил Глебов. — Ты пришёл добровольно и можешь уйти в любой момент.

— Тогда зачем записывать паспорт?

— Потому что это режимный объект, а не кафе.

Рудин убрал документ.

За тяжёлой дверью было почти тихо. Днём коридоры Петровки дробили шаги, голоса и телефонные звонки. Ночью каждый звук получал расстояние. Где-то далеко хлопнула дверь, за стеной заработал принтер, на другом этаже зазвонил телефон и долго не умолкал.

Они поднялись по старой лестнице. В боковом переходе пахло остывшим кофе, бумагой и табаком, принесённым с улицы на одежде. Возле одного кабинета стояло ведро с мокрыми зонтиками. Возле другого на стуле спал сотрудник, положив голову на сложенные руки.

Рудин смотрел по сторонам без любопытства. Он запоминал повороты, двери и людей, которые могли его увидеть.

В кабинете ждали Кувшинов и Краснов. На столе лежали одиннадцать страховых дел. Волков сидел у соседнего стола с ноутбуком и увеличивал фотографии автомобилей.

— Группа встречи, — сказал Седой.

— Рабочая группа, — поправил Глебов.

Он указал на свободный стул.

— Ещё раз. Ты не задержан. Разговор предварительный. Официальных показаний сейчас не оформляем. Но всё, что ты скажешь о преступлениях, будет проверено. Если подтвердится твоё участие, отвечать придётся за твою часть.

— Это я уже слышал.

— Остальные тоже должны услышать.

Для Глебова это был разговор по разработке, а не допрос. Разница заключалась не в названии бумаги. Рудин пришёл добровольно, не был обязан давать показания и мог встать в любую минуту. Полученные сведения позволяли искать документы, людей и машины, но сами по себе ещё не становились доказательством в уголовном деле.

Именно поэтому на столе не было заранее напечатанного признания.

Глебову нужна была не подпись испуганного техника. Ему нужна была карта, которую можно проверить без техника.

Рудин посмотрел на Кувшинова, Краснова и Волкова.

— Без фамилий.

— Пока без фамилий, — согласился Глебов. — Но с фактами, которые можно проверить. Седой сел.

Кувшинов включил настольную лампу. Её свет лёг на папки, оставив дальнюю часть кабинета в полумраке.

— Начинай с автомобиля, которого нет, — сказал Глебов.

Рудин провёл ладонью по седой пряди.

— У такой схемы нет одного начала. Один человек находит данные машины, которая физически больше не существует. После аварии, пожара, утилизации — неважно. Главное, что её история ещё где-то живёт.

— За границей? — спросил Волков.

— Чаще там. Иногда здесь.

— Дальше.

— Второй человек делает так, чтобы данные появились в нужной регистрационной цепочке. Третий готовит страхование. Четвёртый ставит исчезновение.

— А кузов? — спросил Глебов.

— Между ними. Настоящий автомобиль той же модели на короткое время даёт бумаге тело.

Кувшинов открыл первую папку.

Он повёл Рудина по страховой части: кто заказывал осмотр, что знал исполнитель, кому поступала выплата. Седой отвечал без фамилий. Полисом занимался отдельный человек и происхождение данных мог не знать. Осмотрщику иногда говорили, что документы привезут позже; иногда он понимал, что перед ним чужой кузов. Деньги получал формальный владелец, после чего выплата расходилась дальше.

— Куда именно?

— Этого я не знаю.

Кувшинов перевернул несколько листов.

— В трёх делах деньги уходят на одинаковые услуги: юридическое сопровождение, хранение автомобиля и консультации по безопасности.

— Значит, уже знаешь больше меня.

— Я знаю названия платежей. Спрашиваю, что за ними стояло.

— Расчёт с участниками. Фамилий не будет.

Кувшинов не стал давить. Отметил три строки карандашом и перешёл к следующей папке.

Краснов развернул карту.

— Осмотр здесь. Через два дня автомобиль попадает на камеру здесь. Потом заявляется угон отсюда. Это один кузов?

Седой посмотрел на адреса.

— По времени мог быть один.

— Между точками сто восемьдесят километров.

— Для машины не расстояние.

— Номер на камерах разный.

— Номер меняется быстрее водителя.

— А водитель?

— Его на фотографии нет.

Краснов усмехнулся.

— Удобная у вас работа.

— У тебя тоже. Ты задаёшь вопросы, на которые уже знаешь половину ответа.

— Вторую половину как раз проверяю.

Волков повернул экран к Рудину.

— Эти две фотографии.

На одной стоял тёмный «Мерседес», снятый возле страхового офиса. На другой — автомобиль той же модели у регистрационного подразделения.

— Один кузов? — спросил Волков.

Седой приблизился к экрану.

— Качество плохое.

— Поэтому я спрашиваю не номер. Смотри на заднюю стойку и отражатель.

Рудин несколько секунд изучал снимки.

— Один.

— Почему?

— На левой накладке царапина. И ремень перекручен одинаково.
Волков кивнул.

— Согласен.

Это было первое прямое подтверждение рассказа Седого. Один и тот же реальный автомобиль действительно появлялся под разными регистрационными данными.

Кувшинов нашёл второе.

В двух делах договоры страхования заключались с разницей в восемь дней. Осмотр проводили разные организации, но плату за подготовку документов получала одна фирма. В назначении платежа стояли разные услуги. Номера счетов вели в один банк и открывались по соседним доверенностям.

— Это мог делать один страховой человек? — спросил Глебов.

— Один мог запускать, — ответил Кувшинов. — Но для выплаты нужны согласование убытка, проверка документов и решение руководителя. Значит, либо каждый раз убеждали новых сотрудников, либо кто-то заранее обеспечивал нужный маршрут внутри компании.

Рудин посмотрел на него с интересом.

— Ты страховыми давно занимаешься?

— Достаточно, чтобы не путать полис с выплатой.

— Правильно. Застраховать можно что угодно. Труднее заставить заплатить.

— Кто заставлял?

— Не знаю.

— Но знал, когда выплата прошла.

— Мне платили после неё.

Кувшинов отметил ещё одну строку.

— Значит, технический исполнитель зависел от страховой части.

— Все от кого-то зависели.

— А кто не зависел?

Рудин улыбнулся.

— Тот, кто придумал разделить людей по ролям.

Глебов стоял у окна. Во дворе редкие фонари отражались в мокром асфальте. Он слушал не только ответы, но и то, где Седой делал паузу.

— Эти люди общались между собой? — спросил он.

— Только соседние звенья. Техник знает того, кто привёз машину. Страховой человек знает владельца и посредника. Регистратор видит документы. Постановщик работает со свидетелем и камерой.

— А ты сколько звеньев видел?

— Своё и два рядом.

— Поэтому решил, что знаешь всю схему.

— Я не говорил, что знаю всю.

— В гараже говорил про один автомобиль-донор.

— Так работали.

— Всегда?

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Глебов подошёл к столу.

— Санёк, покажи два осмотра.

Кувшинов уже держал нужные листы.

Первый акт был составлен в Одинцове в восемнадцать часов двадцать минут. Второй — в Королёве в восемнадцать сорок пять того же дня. На обеих фотографиях находился чёрный

«Мерседес» одной модели. В каждом деле утверждалось, что осмотр проводился лично и время установлено электронной системой.

— Одинцовский автомобиль через час попал на камеру у Минского шоссе, — сказал Краснов. — Королёвский в это же время стоял возле страхового офиса. Не номер. Сам кузов виден на записи.

Волков вывел фотографии рядом.

— Здесь панорамная крыша, — сказал он. — Здесь обычная. На одном автомобиле другой рисунок задних фонарей. Это две машины.

Седой откинулся на спинку стула.

— Значит, время в актах неправильное.

— Электронная отметка совпадает с загрузкой, — ответил Кувшинов.

— Загрузить можно позже.

— Камеры подтверждают оба местонахождения, — сказал Краснов.

— Тогда это другие дела.

— Подрядчик тот же, — напомнил Кувшинов. — Платежи прошли через ту же фирму. В одном осмотре присутствовал человек, который привозил машину тебе.

Рудин впервые посмотрел на дверь.

Глебов заметил это.

— Когда они начали использовать отвлекающие машины?

— Кто?

— Те, кто решил, что одного донора мало. Один настоящий кузов оставили для важных осмотров. Похожие автомобили начали показывать там, где достаточно фотографии, номера и общего совпадения модели.

— Ты сам это придумал.

— Только что. По твоей ошибке.

— Какой ошибке?

— Ты уверенно сказал, что донор всегда один. Значит, знаешь старую схему. Новую тебе либо не показали, либо показали не всю.

Седой больше не улыбался.

— После какого года? — спросил Глебов.

Рудин молчал.

— После какого эпизода?

— Не знаю.

— Кто решил разделить настоящий кузов и отвлекающие машины?

— Я сказал: без фамилий.

— Я фамилию не спрашивал.

Седой встал.

— На сегодня хватит.

Глебов не преградил ему дорогу.

— Хорошо.

Простое согласие остановило Рудина сильнее, чем давление. Он постоял, затем снова посмотрел на две фотографии.

— Если появились отвлекающие машины, значит, кто-то начал бояться, что один кузов свяжет все дела.

— Когда?

— Я проверю.

— Завтра повторишь официально?

— Завтра решу.

Они спустились во двор. Кувшинов и Краснов остались сводить результаты, Волков забрал копии фотографий для сравнительного исследования.

Рудин дошёл до пропускного пункта, но перед дверью остановился.

— В машине поговорим.

BMW стоял у края двора. Глебов открыл двери, и они сели. Двигатель не запускал.

В салоне было холодно. Сквозь лобовое стекло виднелись освещённые окна Петровки и тёмные ветви деревьев.

— Кабинет тебе не понравился? — спросил Глебов.

— Слишком много стен.

— Здесь везде стены.

— И у каждой уши.

— Конкретнее.

Седой посмотрел на погасшую приборную панель.

— Новые машины появились не потому, что старый способ стал плохим. Кто-то начал готовить запасные версии. Если найдут один кузов, вам покажут второй. Если возьмёте техника, документы докажут, что он руководитель. Если заговорит страховой, реестр сделает виноватым его.

— Тебя уже сделали?

— Почти.

— Где доказательства?

— Найду.

— Тогда приходи с ними. К следователю и с адвокатом, если хочешь.

— Не боишься адвоката?

— Мне нужны проверяемые слова, а не удобное признание.

Рудин открыл дверь.

— Поэтому я и пришёл к тебе.

Он вышел и направился к КПП.

Глебов дождался, пока за ним закроется тяжёлая дверь, затем вернулся в кабинет.

До четырёх утра они проверяли записи. Кувшинов составил таблицу выплат и подрядчиков. Краснов свёл известные маршруты по времени. Волков отдельно отметил фотографии настоящего донора и двух похожих автомобилей. Глебов начал рапорт, но не успел его закончить.

В половине пятого в коридоре появился Зимин.

На нём была та же безупречная рубашка, что днём, только галстук лежал в кармане. Он заглянул в кабинет, посмотрел на папки и пустой стул.

— Ночная жизнь началась?

— Работаем.

— Говорят, ты старого перебивщика привозил.

Глебов не ответил.

— Седой что, решил рассказать, как один кузов по страховым осмотрам возили?

— Кто тебе сказал?

Зимин улыбнулся.

— Петровка большая только снаружи. Здесь все всё видят.

— В кабинете были пять человек.

— Значит, один из пятерых и рассказал.

Он произнёс это легко, почти дружелюбно, и ушёл дальше по коридору.

Глебов вошёл в кабинет и закрыл дверь.

— Кто-нибудь звонил? — спросил он.

Кувшинов покачал головой.

— Нет.

Краснов показал свой телефон.

— Я даже из здания не выходил.

Волков молча развернул журнал исходящих вызовов.

Глебов посмотрел на незаконченный рапорт. В нём ещё не было ни фамилии Рудина, ни слов об одном кузове, ни содержания ночного разговора.

Седой вошёл на Петровку через официальный пропускной пункт. Его могли увидеть.

Но то, что он рассказал в закрытом кабинете, увидеть было нельзя.

Глава 6. Свидетель наоборот

Утром Петровка снова наполнилась людьми.

По длинным коридорам несли папки, раскрывали кабинеты, ставили на подоконники стаканы с кофе. Ночная тишина исчезла так быстро, будто её здесь не было. Только Глебов, Кувшинов и Краснов оставались в тех же рубашках и чувствовали каждую ступень старой лестницы.

К девяти часам Глебов закончил рапорт о встрече с Рудиным. Отдельно указал добровольный характер разговора, отсутствие обещаний и сведения, которые требовали проверки. Фамилий предполагаемых организаторов в рапорте не было.

В десять ему позвонила Ирина Лаврова.

Она была следователем, которой передали первичные материалы по заявлению Чернова и связанным эпизодам. Говорила коротко, без лишней вежливости.

— Рудин у меня.

— Один?

— С адвокатом. Отказывается от ночного разговора и подаёт заявление на ваши действия.

— Иду.

Кабинет Лавровой находился через два перехода. На двери висела новая табличка, но внутри всё было привычным: шкаф с томами, стол следователя, два стула для посетителей и ещё один у стены. На подоконнике остывал чай.

Рудин сидел ближе к окну. Рядом расположился мужчина в тёмном костюме с кожаной папкой. Он представился адвокатом и положил перед Лавровой удостоверение.

Седой выглядел спокойным. Только прядь у виска была влажной, будто он перед входом долго стоял под мокрым снегом.

— Доброе утро, — сказал Глебов.

Рудин не ответил.

Лаврова указала на свободный стул.

— Виталий Васильевич, Сергей Рудин заявляет, что ночью его доставили на Петровку под давлением, не разъяснили права и склоняли к признанию в организации серии мошенничеств.

— Он пришёл добровольно. Пропуск оформлен как посетителю. Я дважды сказал, что он может уйти.

Адвокат открыл папку.

— Мой доверитель утверждает обратное.

— Пусть утверждает.

— Кроме того, у нас имеется запись разговора.

Глебов посмотрел на Рудина.

— Ты записывал?

— Я ничего тебе больше не скажу, — ответил Седой.

Адвокат достал небольшой цифровой диктофон.

— Запись подтверждает, что содержание признания подсказал сотрудник полиции. Он же потребовал назвать конкретного человека и угрожал сделать Рудина руководителем преступной группы.

— Включайте, — сказала Лаврова.

Адвокат нажал кнопку.

Сначала послышался шум комнаты. Тихое гудение вентиляции, шаги за дверью, короткий звонок телефона. Потом голос Глебова:

— Слушай внимательно, Сергей. Схему ты придумал сам.

Пауза.

— К утру станешь организатором.

Ещё одна пауза, почти незаметная.

— Назови Арсеньева, и дальше будем разговаривать.

Голос Рудина прозвучал тише:

— Я не знаю никакого Арсеньева.

Глебов на записи ответил:

— Тогда отвечать придётся за всё.

Диктофон замолчал.

В кабинете несколько секунд никто не говорил.

Запись была короткой и очень убедительной. В ней не было металлических провалов, резких скачков громкости или чужих голосов. Глебов узнавал собственную интонацию. Даже паузы звучали так, как он обычно делал их во время опроса.

— Это ваш голос? — спросила Лаврова.

— Мой.

— Эти слова вы произносили?

— Отдельные слова и фразы — да. Но не в таком порядке и не в этом разговоре.

Адвокат усмехнулся.

— Очень удобное объяснение.

Глебов не повернулся к нему.

— Ирина, зафиксируйте время предъявления записи, модель устройства и кто его передал. Нужна копия исходного файла без пересохранения.

— Диктофон является собственностью моего доверителя, — сказал адвокат.

— Изымать без оформления никто не предлагает, — ответила Лаврова. — Но раз вы приобщаете запись к заявлению, источник должен быть сохранён.

Она придвинула к себе чистый протокол.

— Воспроизведите ещё раз.

Адвокат включил запись.

На этот раз Глебов слушал не слова.

Перед первой фразой ровно работала вентиляция. Такой звук был в отремонтированных кабинетах нового перехода. Затем, под словами «к утру», далеко прозвенел лифт. Старый лифт в их корпусе давал два коротких сигнала и закрывался с тяжёлым металлическим ударом.

В закрытом кабинете ночью лифта почти не было слышно.

Перед фамилией Арсеньева изменился коридорный шум. Вместо мягких шагов по покрытию возникло гулкое эхо каменного пола.

— Ещё раз от начала второй фразы, — попросил Глебов.

— Вы не руководите этим действием, — заметил адвокат.

— Он обращается ко мне, — сказала Лаврова. — Я разрешаю.

Фрагмент прозвучал снова.

— Здесь разные помещения, — сказал Глебов. — В первой части вентиляция нового перехода. Во второй слышен старый лифт. Перед фамилией меняется отражение голоса.

— Теперь вы эксперт по звуку? — спросил адвокат.

— Нет. Поэтому нужна экспертиза.

Лаврова остановила запись.

— Сергей, вы утверждаете, что файл записан ночью в одном кабинете?

— Да.

— Устройство всё время находилось при вас?

Рудин посмотрел на адвоката.

— Да.

— Кто переносил файл?

— Я не переносил.

— Тогда передаёте диктофон для копирования в вашем присутствии. После этого получите его обратно под расписку.

Адвокат начал возражать, но Лаврова напомнила, что без исходного носителя запись останется лишь приложением неизвестного происхождения. Через несколько минут устройство передали специалисту.

Глебов снова посмотрел на Рудина.

— Вчера ты сказал, что придёшь с доказательствами.

— Я вчера никуда не приезжал.

— На пропускном пункте есть запись.

— Приезжал. Но ничего не рассказывал.

— В гаражном комплексе мы тоже не встречались?

Адвокат положил ладонь на край стола.

— Мой доверитель не обязан отвечать.

— Не обязан, — согласился Глебов.

Он встал.

Лаврова подняла глаза.

— Куда вы?

— Проверять дела без Рудина.

— Заявление на вас остаётся.

— Проверяйте.

— Ночной рапорт сдадите?

— Закончил утром. Сейчас зарегистрирую и передам с приложениями и фамилиями всех присутствовавших.

Адвокат внимательно следил за ним.

— Вы отказываетесь от показаний свидетеля, потому что они перестали быть удобными?

Глебов остановился у двери.

— У нас нет показаний свидетеля. Есть оперативный разговор, от которого человек отказался, и запись с признаками монтажа. Дело должно выдержать суд, даже если Рудин никогда больше не произнесёт ни слова.

Он вышел.

Кувшинов ждал в коридоре.

— Что случилось?

— Седой отказался от всего. Принёс запись, где я якобы подсказал ему схему.

— Наша запись?

— Мы не записывали.

— Тогда откуда?

— Из разных разговоров.

Они вернулись в кабинет. Краснов закрыл дверь. Волков надел наушники и прослушал полученную рабочую копию.

— Я не фоноскопист, — сказал он. — Заключение должен делать профильный эксперт.

— Что видишь ты?

Волков увеличил звуковую дорожку.

— Перед второй фразой меняется уровень фонового шума. Здесь переход сглажен, но дыхание комнаты другое. Перед словом «Арсеньева» короткий провал. Его закрыли паузой.

— Фразы настоящие?

— Голос твой. Дальше пусть разбирается экспертиза.

Краснов несколько раз прослушал запись.

— Первые слова по фону будто записаны ночью в нашем кабинете.

— Я так не говорил, — ответил Глебов.

— Значит, это откуда-то ещё.

Кувшинов открыл журнал ночного опроса.

— Фамилия Арсеньева в кабинете вообще не звучала. Ты спросил: «Арсеньев?» только в гараже.

— Тогда этот фрагмент не из ночного кабинета.

Они разделили запись на фрагменты и стали слушать каждый отдельно.

Фраза «тогда отвечать придётся за всё» оказалась собрана из двух частей. «Отвечать придётся» Глебов действительно сказал Рудину в гараже. Слово «за всё» звучало чуть глуше и сопровождалось тем самым сигналом лифта.

Глебов вспомнил этот фон.

— Старый кабинет опросов на третьем этаже.

— Уверен? — спросил Краснов.

— Там лифт закрывается с ударом. В нашем переходе двери мягче.

Кувшинов начал проверять описи аудиоприложений. Поиск по отдельным словам ничего не дал. Тогда он поднял журналы использования кабинета и список старых автомобильных разработок, в которых Глебов участвовал после прихода в МУР.

Через час осталось три возможных материала.

В одном аудиофайл отсутствовал. Во втором запись хранилась на диске без расшифровки. В третьем имелась короткая стенограмма разговора с владельцем перебитого автомобиля.

Название разработки стояло в верхней строке описи.

«Двойник».

Кувшинов запросил закрытый аудиоархив. Доступ подтвердил Жилин.

Файл принесли на служебном носителе и открыли на отдельном компьютере. На четвёртой минуте голос Глебова произнёс:

— За эту машину отвечать придётся всем, кто подписал передачу.

В коридоре прозвенел лифт. Затем тяжело закрылись двери.

Волков поставил рядом фрагмент из записи Рудина.

Сигнал, удар и дыхание Глебова совпали.

Один кусок поддельного разговора был взят не с диктофона Седого и не из ночного кабинета.

Он хранился во внутреннем архиве старой разработки «Двойник».

Глава 7. Папка «Двойник»

Жилин прослушал оба фрагмента и попросил повторить.

В кабинете находились только он, Глебов и Кувшинов. На столе лежали служебный носитель, опись аудиоархива и копия записи, принесённой адвокатом Рудина.

Сначала прозвучал старый файл. Голос Глебова, звонок лифта, тяжёлый удар дверей.

Потом включили монтаж.

Те же несколько секунд оказались внутри другой фразы.

— Кто имел доступ? — спросил Жилин.

— По журналу — сотрудники, работавшие с разработкой, архив и техническая служба, — ответил Кувшинов. — Но папку несколько раз передавали между подразделениями. Старые копии могли остаться вне архива.

— Значит, круг широкий.

— Да.

— Зимин?

Глебов ответил не сразу.

— Мог получить доступ. Как и десятки других людей.

Жилин посмотрел на него внимательно.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Что за разработка?

— «Двойник». Начали задолго до моего прихода. В две тысячи пятнадцатом ненадолго возобновили проверку. Я опрашивал владельца автомобиля, поэтому мой голос оказался в позднем приложении.

— Чем закончилось?

— Эпизоды разделили. Часть передали в округа, часть закрыли после экспертизы. Общую разработку прекратили.

— Основание?

— Нужно поднимать папку.

Жилин взял ручку и написал резолюцию на запросе.

— Поднимай. Только по описи и с фиксацией каждого носителя. Лавровой передай копию резолюции.

— Зимину докладывать?

— О проверке архива — да. О найденном совпадении аудио пока не докладывай. Сначала получим заключение специалиста.

Архив выдал материалы в тот же день.

Папка оказалась толще, чем ожидал Глебов, и легче, чем должна была быть по описи. На выцветшей обложке сохранилась надпись синим карандашом: «ДВОЙНИК». Ниже стояли старый регистрационный номер и несколько дат, разделённых годами.

Разработку начинали ещё тогда, когда Арсеньев был действующим оперативником. Позднее в неё добавляли новые эпизоды, передавали между группами, закрывали и снова открывали. Последние листы появились летом 2015 года, уже после прихода Глебова на Петровку.

В архивной комнате горела одна лампа. За стеной гудела вентиляция. Бумага пахла пылью и сухим картоном, а при каждом движении папки в воздух поднимались мелкие серые частицы.

Кувшинов начал с описи.

— Должно быть сто восемьдесят шесть листов.

Глебов проверил последнюю страницу.

— Здесь сто сорок три.

— Нумерация прыгает. После сорок седьмого сразу шестьдесят третий. Потом со сто восемнадцатого на сто двадцать седьмой.

— Отметки об изъятии?

— Есть две. Пятнадцать листов передали в окружное управление, девять — следователю. Остальных не хватает.

— Аудиоприложения?

— По описи три диска. В архиве два.

Они записали каждое расхождение до того, как начали читать содержание.

В папке осталась схема связей, несколько рапортов, фототаблица и решения о разделении материалов. На схеме было четыре автомобиля. У каждого разные владельцы, номера и страховые компании. Линии сходились к одному техническому центру и двум посредникам.

Кувшинов разложил фотографии по датам.

— Смотри на машину.

На первом снимке чёрный «Мерседес» стоял возле регистрационного подразделения. На втором автомобиль той же модели грузили на эвакуатор. На третьем он находился у экспертного бокса.

Номера были разные.

На задней стойке повторялась одна и та же царапина.

— Один кузов, — сказал Глебов.

— Похоже.

— Волков подтвердит.

Под фотографиями лежала групповая карточка, сделанная много лет назад на автомобильной выставке. Возле открытого капота стояли сотрудники, страховщики и представители нескольких коммерческих организаций.

В центре Глебов узнал Арсеньева.

Он был моложе, без седины, в простой кожаной куртке. Рядом стояли люди, которые позднее заняли заметные должности в правоохранительных и регистрационных структурах.

— Вот он, — сказал Кувшинов.

— Он на выставке, а не на месте преступления.

— Но знаком со всеми, кто потом появляется в материалах.

— Люди фотографируются вместе. От этого они не становятся сообщниками.

Глебов отложил карточку.

Гораздо важнее оказался рапорт без подписи. В нём сотрудник писал, что автомобиль с одинаковой царапиной и повреждением крепления появлялся в трёх эпизодах под разными идентификационными данными. Автор предлагал объединить материалы и установить происхождение кузова.

Через два дня после рапорта приняли противоположное решение.

Эпизоды разъединили.

Один передали по месту регистрации владельца, второй — по месту страховой выплаты, третий оставили в автомобильном подразделении как отдельный случай изменения маркировки.

— После разделения каждый видит только свой кусок, — сказал Кувшинов. — В округе есть владелец. У страховой — выплата. Здесь — перебитый номер. Одного кузова уже нет.

— На каком основании разделили?

Кувшинов нашёл постановление.

В тексте указывалось, что достоверно установить тождество автомобилей невозможно. Совпадающие внешние признаки назывались недостаточными, а различия в документах — основанием для самостоятельной проверки каждого эпизода.

Под решением стояла подпись Петра Кострова.

Глебов узнал её сразу.

Костров был сильным специалистом по угонам и человеком, которому Глебов не доверял с первого дня на Петровке. Теперь его вывели за штат, но старое решение продолжало определять судьбу материалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.